

УДК 347.4:004

Стогнев Кирилл Олегович, Магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ
УЧАСТНИКОВ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В
СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ**

Аннотация

В статье рассматривается проблема идентификации участников электронного документооборота в гражданском праве в условиях цифровизации. Анализируется действующее законодательство и его применение, в том числе особенности использования различных механизмов установления личности. Отдельное внимание уделяется возникающим в практике трудностям, связанным с оценкой достаточности идентификации и подтверждением волеизъявления. Сделан вывод о необходимости уточнения правового регулирования с целью повышения определенности и устойчивости гражданского оборота в электронной форме.

Annotation

The article examines the problem of identifying participants in electronic document flow within civil law in the context of digitalization. Current legislation and its application are analyzed, including the specifics of using various mechanisms for establishing identity. Special attention is paid to practical difficulties arising from the assessment of the sufficiency of identification and confirmation of the expression of will. The conclusion is drawn on the need to clarify legal regulation in order to increase the certainty and stability of civil transactions in electronic form.

Ключевые слова: гражданское право, электронный документооборот, цифровизация, электронные документы, идентификация.

Keywords: civil law, electronic document flow, digitalization, electronic documents, identification.

Невозможно обеспечить адекватное функционирование электронного документооборота в сфере гражданско-правовых отношений в условиях, если на уровне законодательства не будут разработаны специальные механизмы, позволяющие установить личность участников соответствующих правоотношений и подтвердить факт их участия в конкретных действиях, обладающих юридическим значением. В ситуации, когда физическое взаимодействие сторон сводится к минимуму или вовсе отсутствует, механизмы идентификации и аутентификации приобретают ключевое значение, так как именно посредством их использования становится возможным установить действительность волеизъявления и обеспечить надлежащее исполнение обязательств, привлечь виновных субъектов к ответственности.

В гражданском праве России идентификация традиционно рассматривается как процесс, в рамках которого устанавливается конкретный субъект правоотношения, обладающий правоспособностью и дееспособностью. В электронном документообороте идентификация преследует своей целью соотнесение электронного действия и конкретного документа с определенным физическим или юридическим лицом. Такое соотнесение является необходимым условием, без которого невозможно признать то или иное действие волеизъявлением стороны [4, с. 36]. Иными словами, идентификацию можно рассматривать в качестве правового механизма, способствующего установлению не только самого факта возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, но и их легитимности.

На уровне законодательства рассматриваемое понятие получило свое закрепление в тексте статьи 2 Федерального закона от 29 декабря 2022 года № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических

лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской». Так, идентификация понимается как «совокупность мероприятий по установлению сведений о лице и их проверке, осуществляемых в соответствии с федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами, и сопоставлению данных сведений с идентификатором» [3].

Исходя из законодательного определения, можно выделить ключевые признаки идентификации:

- направлена на формирование набора достоверных сведений о конкретном субъекте (например, фамилии, имени, отчества и т.д.), а не на подтверждение какого-либо конкретного юридически значимого действия;

- предполагает не только установление конкретных сведений, но и их проверку в соответствии с тем порядком, который определен в нормативно-правовых и подзаконных актах;

- осуществляется посредством сопоставления проверяемых сведений о субъекте правоотношений с идентификатором, в качестве которого может выступать запись в системе, логин и т.д.;

- осуществляется в исключительном соответствии с законодательно определенным порядком, что свидетельствует о ее формализованном характере [9, с. 211].

Важнейшим значением в обеспечении идентификации участников электронного документооборота обладают государственные информационные системы. В качестве примера можно привести Единую систему идентификации и аутентификации (далее по тексту – ЕСИА), которая обеспечивает санкционированный доступ участников информационного взаимодействия к информации, содержащей в государственных информационных системах и иных информационных системах [5, с. 148].

Несмотря на то, что ЕСИА обладает публично-правовой природой, ее практическое применение может выходить за рамки исключительно административных отношений, так как данные, полученные по результатам идентификации через данную систему, применяются в гражданско-правовых отношениях, в том числе при заключении договоров, направлении юридически значимых сообщений и подтверждении иных фактов. При этом ЕСИА не может подменять собой электронную подпись, так как выступает в качестве самостоятельного инструмента идентификации личности, обеспечивающего возможность установления конкретного субъекта гражданских правоотношений [7, с. 80].

Не менее важным инструментом идентификации участников электронного документооборота также следует признавать обработку персональных данных. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] в статье 5 закрепляет совокупность принципов обработки персональных данных, среди которых называется законность, соразмерность и недопустимость избыточности по отношению к заявленным целям. В случае с электронным документооборотом это означает, что каждое из используемых для идентификации средств должно предполагать в качестве своей направленности установление личности участника гражданских правоотношений, не выходя при этом за допустимые пределы необходимого объема сведений. Несоблюдение данных требований может повлечь за собой негативные последствия, среди которых нарушение прав субъекта персональных данных, а также возникновение сомнений относительно юридической значимости взаимодействия участников электронного документооборота.

Особое значение механизм идентификации приобретает также при заключении дистанционных договоров. Так, статья 438 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет, что «акцептом признается ответ лица, которому адресована оферта, о ее принятии» [1]. В электронной среде установление момента получения акцепта и лица, который его направил, возможно обеспечить только в том случае, если применяются надежные

механизмы идентификации и аутентификации. Именно по этой причине, использование личных кабинетов, уникальных идентификаторов, фиксация различных параметров доступа и др. позволяют создать условия для того, чтобы в будущем факт заключения договора мог быть доказан, в том числе и в судебном порядке.

Несмотря на наличие достаточно развитой правовой базы, анализ правоприменительной практики демонстрирует, что существующая модель регулирования не позволяет устранить ряд существенных проблем.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие единых критериев, позволяющих признать проведенную идентификацию достаточной для целей гражданского оборота. Закон фиксирует саму процедуру, однако не устанавливает границ ее достаточности. В результате на практике используются различные по степени надежности способы, начиная от простейших кодов подтверждения, заканчивая более сложными цифровыми решениями. Однако их правовое значение определяется уже постфактум, в рамках конкретного спора [8, с. 47].

Не менее существенным характером обладает проблема разрыва между идентификацией лица и подтверждением его волеизъявления. Само по себе установление личности еще не означает, что соответствующее действие было совершено именно этим лицом. В условиях электронного взаимодействия доступ к средствам идентификации может быть получен третьими лицами, что ставит под сомнение автоматическое связывание субъекта с совершенным действием [10, с. 845].

В таких случаях возникает принципиальный вопрос: следует ли считать установленное лицо автоматически ответственным за совершенное действие, либо необходимо дополнительно доказывать факт его участия? Отсутствие прямого ответа в законодательстве приводит к тому, что данный вопрос фактически переносится в сферу судебного усмотрения.

Третья проблема проявляется в неурегулированности распределения рисков, связанных с использованием цифровых средств идентификации.

Действующее регулирование не определяет, на ком лежит бремя неблагоприятных последствий в случае компрометации идентификаторов – на пользователе, операторе информационной системы или ином участнике взаимодействия.

Особенно остро это проявляется в ситуациях массового использования электронных сервисов, где механизмы идентификации упрощаются в целях удобства. В результате складывается ситуация, при которой ответственность за возможные нарушения фактически возлагается на участника оборота без учета того, насколько надежными были предложенные ему средства идентификации [6, с. 8].

Таким образом, идентификация в электронном документообороте приобретает значение не просто вспомогательного инструмента, а необходимого условия существования самого гражданского оборота в цифровой форме. Именно через нее обеспечивается связка между конкретным лицом и юридически значимым действием, без чего невозможны ни признание сделки состоявшейся, ни последующее распределение ответственности между участниками правоотношений.

Вместе с тем выявленные особенности правоприменения показывают, что формального закрепления процедуры идентификации уже недостаточно. Законодателю требуется сместить акцент с описания механизмов на определение их правовых последствий. В этой связи дальнейшее развитие регулирования должно быть направлено на более точное закрепление критериев, при которых идентификация считается достаточной, а также на выстраивание предсказуемой модели распределения рисков, возникающих при использовании цифровых средств установления личности.

Одновременно с этим представляется оправданным нормативное закрепление подхода, допускающего оценку идентификации с учетом совокупности обстоятельств, а не исключительно через формальное наличие того или иного технического инструмента.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.
3. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1. – Ст. 19.
4. Будник, Р.А. Правовое регулирование электронного документооборота : учебник для вузов / Р.А. Будник. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 321 с. – ISBN 978-5-534-19293-3. – URL: <https://urait.ru/bcode/589231> (дата обращения: 08.02.2026).
5. Глушков, М.Р., Мелихов, С.Ю. О законодательном регулировании электронного документооборота / М.Р. Глушков, С.Ю. Мелихов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 1. – № 3 (102). – С. 145-152.
6. Городов, О.А. О понятии и правовом режиме средств индивидуализации и идентификации по законодательству об интеллектуальной собственности / О.А. Городов // Вестник Центра права имени В.А. Мусина. – 2025. – № 3. – С. 5-13.
7. Елфимова, Е.В. Правовое регулирование электронного документооборота: российские нововведения и зарубежный опыт / Е.В. Елфимова // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 84-5. – С. 77-81.

8. Ерохина, М.Г., Георгиев, И.В. Идентификация субъектов гражданских правоотношений в цифровую эру / М.Г. Ерохина, И.В. Георгиев // Бизнес, менеджмент и право. – 2023. – № 3 (59). – С. 46-49.

9. Трезубов, Е.С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса / Е.С. Трезубов // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12. – № 5. – С. 204-227.

10. Шоров, В.В. Эволюция правового регулирования электронного документооборота и электронной подписи в Российской Федерации / В.В. Шоров // Вестник науки. – 2026. – Т. 3. – № 1 (94). – С. 839-852.